

ДЖОАННА
ЛИНДСЕЙ

*Нежная
мятежница*

Когда сердце требует своего,

здоровый смысл лепит из всех черт...

Джоанна Линдсей
Нежная мятежница
Серия «Семейство Мэлори», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8379448
Нежная мятежница: [роман]: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-086216-0

Аннотация

Огромное наследство, доставшееся красавице Рослин Чедвик, оказалось истинным проклятием, ибо теперь богатую невесту просто преследовали охотники за приданым. Спасением казалось немедленное замужество, но трудно было представить себе супругом Рослин циничного лондонского повесу Энтони Мэлори. Однако, повинувшись зову сердца, шотландская красавица доверилась обаятельному, великолепному мужчине...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	30
Глава 7	32
Глава 8	37
Глава 9	44
Глава 10	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Джоанна Линдсей

Нежная мятежница

Роман

Глава 1

Англия. 1818 год

– Тебе не страшно, милая?

Леди Рослин Чедвик отвела задумчивый взгляд от окошка кареты, в которое смотрела вот уже битый час, совершенно, впрочем, не замечая меняющегося за ним пейзажа. Не страшно? Да ведь она теперь одна на всем белом свете, без близких родственников, даже без опекуна. Все родное и знакомое осталось позади, впереди – неизвестность. Страшно ли ей? Да она в ужасе! Впрочем, Нетти знать об этом совсем не обязательно. Рослин по крайней мере не стоит показывать свои чувства. Нетти и без того не в своей тарелке со вчерашнего утра, когда они пересекли английскую границу. Хорошая женщина, конечно, пытается скрыть свое состояние за обычным ворчанием. Но уж слишком не похожа она на ту веселую, жизнерадостную Нетт, какой она была даже тогда, когда они ехали по презираемой ею шотландской низине.

Все свои сорок два года служанка Рослин прожила в Северной Шотландии, не думая, что настанет день, когда ей придется спуститься со своих обожаемых гор, а тем более отправиться в Англию. Представить только – в какую-то Англию! Но оставить ее дома Рослин не могла. Нет. Кого угодно, только не любимую Нетти.

Она собралась с силами. Адресованная Нетти улыбка вышла вполне искренней. В ореховых глазах Рослин появился какой-то веселый блеск.

– Вот еще. С чего бы это мне должно быть страшно, Нетти? Разве у нас с тобой не хватило ума улизнуть под покровом ночи? Джорди теперь неделями может обшаривать Абердин и Эдинбург. Ему и в голову не придет, что мы прячемся в Лондоне.

– Так ему и надо!

Лицо служанки расплылось в довольной улыбке. Напоминание о столь очевидной удаче заставило ее на минуту забыть о своих страхах и даже о нелюбви к Англии. Неприязнь к Джорди была куда сильнее.

– Пусть теперь эта дьявол подавится от злости собственной селезенкой, когда будет узнать, что ты разрушила все его дурацкие планы. Вот так, – злорадно продолжила Нетти, путая по своему обыкновению английские и шотландские обороты. – Моя, правда, не понравилась, что Дункан, царствие ему небесное, заставил тебя дать то обещание. Но он-то как раз желал тебе только хорошего. Однако не думай, что мне не огорчает слышать, как ты все время говоришь по-английски. Свой правильный английский ты не забываешь даже со мной. Еще бы, Дункан притащил для тебя такой отличный учитель, такой настоящий самолюбленная англичанка! А теперь, раз уж мы среди них оказались, тебе вовсе не расстаться с правильной речью этого чертова отродья.

Давнее раздражение, прозвучавшее в ворчливом сетовании Нетти, вновь вызвало у Рослин улыбку. Девушке захотелось немного подразнить спутницу.

– До того, когда моя встретит настоящего англичанина, осталось совсем немного, – заговорила она на более приятном для Нетти наречии. – Тогда вспоминать чистый англий-

ский будет уже поздно. Ты же понимаешь, он не должен заподозрить, что я задумываюсь над каждым словом, а?

– Тьфу ты! Да ты и сейчас ни единого слова не забываешь. Я и то понимаю, что говорить не англичанка только тогда, когда ты очень расстроена.

Нетти права. Она вообще знает о Рослин больше, чем она о себе. Шотландский акцент, унаследованный от Грэмп и той же Нетти, и правда прорывался у девушки лишь тогда, когда она пребывала в крайней степени отчаяния или раздражения. У Рослин и сейчас было немало причин для огорчения. И все-таки она не настолько выбита из колеи, чтобы забыть безукоризненный английский, который терпеливо вколачивала ей в голову педантичная учительница.

– Надеюсь, сундуки с нашей одеждой уже прибыли. Иначе мы окажемся в весьма плачевном состоянии, – вздохнула Рослин, переводя разговор на другую тему.

Уйти из дома они постарались так, чтобы никто не заметил этого и не рассказал об увиденном кузену Джорди. Поэтому, покидая Камерон-Холл, они сумели захватить с собой лишь по одной смене белья.

– Ну уж об этом меньше всего стоит волноваться, девонька. Не зря же приезжал к нам модистка из Лондона и сшил те красивые платья. Теперь ты в Лондон не придется даже тратить время на примерки. Дункан, да упокоит Бог его душу, позаботился обо всем. Он и сундуки с нашими вещами отсылал потихоньку, один за другим, так, чтобы Джорди не мог почувствовать неладное.

Рослин и самой уже их приключение начинало казаться не таким опасным, а некоторые обстоятельства побега даже забавными. Например, то, как они, спрятав юбки и надев старые бриджи, брели при тусклом свете луны, надеясь, что в таком одеянии их издалека примут за мужчин. Безусловно, правда все равно станет известна. Девушка в этом не сомневалась. Но это будет потом.

А вообще все происходящее смахивало на сумасшествие. До ближайшего города они скакали верхом. Там их ждала заранее нанятая карета. Они с замиранием сердца выжидали несколько часов, чтобы убедиться в отсутствии преследования, и лишь затем отправились в путь. Впрочем, все эти меры предосторожности и вытекающие отсюда неудобства были необходимы. Вряд ли иначе можно было бы обхитрить Джорди Камерона. В этом ее успел убедить еще Грэмп. А последние сомнения Рослин рассеялись, когда она увидела лицо Джорди после оглашения завещания Грэмп. Честно говоря, оно и ее обескуражило. Ведь Джорди, каким бы он ни был, являлся сыном внука Дункана Грэмп Камерона, иначе говоря, его внучатым племянником. К тому же из всех оставшихся родственников умершего он был единственным мужчиной. Права Джорди на наследование хоть какой-то части имущества Дункана сомнений не вызывают. Но, согласно завещанию, единственная внучка покойного объявлялась и его единственной наследницей. К Рослин переходили Камерон-Холл, мельницы и несчетное количество другого движимого и недвижимого имущества. В общем, все. Джорди было отчего впасть в ярость.

– Его нечего удивляться, – сказала Нетти, когда внучатый племянник уехал из Камерон-Холла, плохо скрывая раздражение. – Его же знала, Дункан его ненавидел, считая, что именно Джорди сильно виноват в смерти твоей дорогой матушка. Не потому ли Джорди так прилежно ухаживал за тобой все эти годы? Он знал, что Дункан все оставит тебе, и заранее к этому готовился. Потому и мы не должны сейчас терять время, когда Дункана уже нет с нами.

Верная служанка была права и здесь. В день оглашения воли покойного Джорди вновь сделал ей предложение, и она ему в очередной раз отказала. Медлить было нельзя. В ту же ночь они с Нетти и убежали, не успев даже оплакать дорогого покойника. Хотя она просто сдержала слово: именно так она обещала дедушке поступить незадолго до его смерти. А наплакаться от жалости и сострадания к нему время у нее было. На протяжении последних

двух месяцев в Камерон-Холле никто не сомневался, что дни Дункана сочтены. И честно говоря, в глубине души Рослин понимала, что смерть будет для него избавлением от страданий. Целых семь лет дедушку непрестанно мучили приступы нестерпимой боли. Только чисто шотландское упрямство и сила воли позволяли ему переносить страдания так долго. Но, Боже, как это тяжело осознавать, что нет больше на земле этого милого старика, который так долго заменял ей и мать, и отца.

– Ты не будешь соблюдать траур по мне, девонька, – сказал он ей за неделю до кончины. – Я категорически запрещаю. Ты и так много отдала мне. Так много лет твоей молодой жизни прошли из-за меня впустую. Я не могу позволить, чтобы после моей смерти к ним прибавился хоть один день. Обещай мне это сейчас!

Еще одно обещание пожилому человеку, которого она так любила, милому старику, который души в ней не чаял, тому, кто взвалил на себя все заботы по ее воспитанию, когда умерла его дочь – мать шестилетней тогда Рослин. Конечно же, она обещала. Да и что это могло изменить? Ведь еще раньше она дала ему другую клятву, ту, которая, собственно, и обязывала ее отправиться в это путешествие. Ну а потом соблюдать траур было просто некогда. Сами обстоятельства заставили Рослин сдержать последнее данное дедушке слово.

Девушка вновь отвернулась к окну. Нетти нахмурилась, понимая, что ее молодая спутница вновь погрузилась в грустные воспоминания о Дункане Камероне, о Грэмпе, как называла его она сама. Это не слишком уважительное обращение порой немного раздражало владельца Камерон-Холла, но оно прочно засело в голове Нетти с того самого дня, когда ее, еще девочку, привела в его дом мама. Ну и чертенком она была тогда! Как нравилось ей поддразнивать старого гордого шотландца. А с каким терпением, даже удовольствием он сносил ее проделки! Да уж, кончина Грэмп и для Нетти – страшная потеря. Но есть слишком много проблем, которые необходимо сейчас решать, и надо брать себя в руки.

– Кажется, мы подъезжаем наконец к постоялому двору! – воскликнула женщина, посмотрев в переднее окошко кареты.

Сидевшей напротив Рослин пришлось повернуться и наклонить голову, чтобы увидеть, что делается впереди. Лучи заходящего солнца, осветив лицо девушки, коснулись ее волос, и они заблестели каким-то неземным сиянием. Такого же красно-золотого отлива волосы были и у ее матушки Джанет – матери Рослин. Вообще Рослин взяла все лучшее от красавицы Джанет. Отцовского в ней почти ничего не было. Нетти вспомнился англичанин – отец Рослин. Как это было давно! Он погиб, став жертвой несчастного случая, а Джанет после его смерти увяла буквально на глазах, так и не сумев оправиться от потери. Наверное, даже хорошо, что она сама последовала за возлюбленным через год. Слава Богу, Рослин тогда уже было на кого опереться. Лишившаяся в семь лет родителей, она оказалась в очень сердечном и доброжелательном окружении. Дед души не чаял в маленькой внучке и готов был, казалось, выполнить любое ее желание.

«Ух ты, да я вроде и сама веду себя так же глупо, как девонька. Время ли предаваться воспоминаниям, когда неизвестно, что с нами самими скоро будет», – подумала очнувшаяся вдруг Нетти.

– Надеюсь, по крайней мере постели мы будем сегодня иметь помягче, чем в прошлую ночь, – сказала Рослин, когда карета остановилась перед небольшой деревенской гостиницей. – Мечта о мягкой перине – единственное, что заставляет меня торопиться в Лондон. Уж об этом Франсес должна позаботиться.

– Это звучит так, будто ты не очень рад встретиться с самая твоя лучшая подруга, которую столько лет не видела.

– Ну что ты, Нетти. Это, конечно, не так. Не совсем так. Мне страшно не терпится увидеть Франсес. Но обстоятельства таковы, что мы вряд ли сумеем насладиться нашей встречей. Ты ведь понимаешь? Мы так ограничены во времени, что и наговориться толком

не успеем. Эх, провалился бы куда-нибудь этот Джорди, – добавила она, нахмурив золотисто-каштановые брови. – Если бы не он...

– А если бы ты не давал таких обещаний, нас бы не было теперь здесь. Так? Тогда и нечего плакаться.

– Да, – улыбнулась Рослин. – Правда, помнится, плакался кто-то другой. Все сетовал вчера ночью, что кровать слишком жесткая, что клопов много, и жаловался на страшную усталость. Ты, случайно, не знаешь, кто это был?

Нетти фыркнула и вместо ответа подтолкнула спутницу к дверце кареты, которую как раз в этот момент услужливо распахнул кучер. Рослин оперлась на протянутую руку и, перед тем как выйти, еще раз хитро улыбнулась служанке.

«Неужто, Нетти, ты и впрямь стала так стара, что огорчаешься из-за пары проведенных в неудобстве ночей? – подумала она, глядя на Рослин, грациозные движения которой заставили вспомнить, что она почти в два раза старше своей молодой хозяйки. – Нет уж, пусть тебя хоть на камнях сегодня уложат, она не услышит от тебя ни одной жалобы. Иначе ты так до конца и не узнаешь, что хотела рассказать тебе малышка».

Но тут служанка поняла вдруг, что Рослин, затеяв шутовскую перепалку, просто пыталась отвлечься от мучающих ее мыслей о будущем. Она улыбнулась, покачав головой.

«А ведь это девоньке так нужно сейчас. И пусть постель сегодня будет хоть мягче пуха, а ты скажи, что кровать набита осколками скал. Пусть посмеется над тобой, старуха. Ты ведь так давно не слышала ее смеха, так долго в глазах ее таится горе! Хочет немного подучиться? Так подыграй ей!»

...Направляющаяся к гостинице Рослин совсем не обратила внимания на паренька лет шестнадцати, который, стоя на табурете, пытался разжечь висящий над дверью фонарь. Но он-то ее, на свое несчастье, заметил. Услышав необычные для здешних мест гортанные смешки, малый обернулся и чуть было не свалился со своей подставки, пораженный чудесным видением. Будто невесомая, с нимбом волос, горящих красноватым пламенем заходящего солнца, по направлению к нему грациозно двигалась прелестная молодая женщина. В короткие мгновения, прошедшие до того, как она исчезла в дверях, он запомнил каждую черточку прекрасного лица: от будто выточенных искусным мастером скул и безупречно правильного носа до маленького решительного подбородка и полных чувственных губ. Молодой человек так и остался стоять неподвижно с вытянутой вслед незнакомке шеей, пока громкий смешок не заставил его обернуться. Увидев строго смотревшую на него служанку, бедняга залился краской.

Но Нетти пожалела его и не сделала обязательного для нее в таких случаях язвительного замечания, которым одергивала каждого нахала, осмелившегося глазеть на ее Рослин. Честно говоря, она уже подустала делать это. Точно такой же, как сейчас, эффект леди Чедвик производила на любое существо противоположного пола, будь то неоперившийся янец или седой старик. И эта красавица надеется затеряться в Лондоне?

Глава 2

– А ты все выясняешь, у кого он шьет, – насмеялся достопочтенный Вильям Ферфакс над своим молодым приятелем. – Не говорил ли я тебе, что портной здесь ни при чем? Если и впрямь хочешь походить на него, лучше берись за боксерские перчатки. Сам он занимается этим больше десятка лет, насколько мне известно.

Кулли вздрогнул при звуке очередного удара кожаной перчатки о человеческую плоть и покосился на ринг, слегка приоткрыв глаза. Закрыл он их пару минут назад, когда первые капли крови закапали из носа одного из боксеров. Сейчас кровь из носа бедняги лилась непрерывно, сочилась она и из рассеченной брови, и из распухших, разбитых губ.

– Это тебе не по вкусу, Кулли? – продолжал издеваться Вильям, не обращая внимания на то, что лицо молодого человека сделалось совсем бледным. – Представь только, и его противнику тоже не очень приятно, по крайней мере сейчас, – хмыкнул он, упиваясь собственным остроумием. – Теперь, если только сам Найтон вылезет с ним на ринг, у нас будет шанс сделать ставку. Именно Найтон, да будет тебе известно, тренировал этого парня. Сам-то он, правда, не очень высывался в последние десять лет. Но ему есть что показать лорду, уж поверь. Ну а с этим сейчас все кончено, преимущество Мэлори слишком очевидно.

Бой действительно подходил к концу. Сэр Энтони Мэлори остановился и расслабил руки, практически уже не обращая внимания на своего противника. Затем и вовсе отвернулся, бросив сердитый взгляд на хозяина спортивного зала.

– Пустая затея, Найтон. Я же тебе говорил, что этот парень не готов. Он еще от прошлого раза не успел отойти.

Джон Найтон нахмурил брови, хотя в глазах его все еще плясали веселые огоньки.

– Я не слышал о желающих встретиться с вами. А вы, милорд? Вам следовало, возможно, для разнообразия проиграть кому-нибудь хоть раз. Тогда, глядишь, и выбор партнеров для ваших упражнений появился бы, – ответил он, несколько не смущаясь возмущением боксера, которого искренне считал своим другом.

Шутка была по достоинству оценена в зале. Здесь всем было прекрасно известно, что вот уже на протяжении десятка лет лорд Мэлори ни разу не уходил с ринга побежденным. Трудно было припомнить даже такие бои, в которых его противники имели преимущество хотя бы в нескольких раундах. Он и сейчас был в отличной форме. Достаточно было одного взгляда, чтобы убедиться в совершенном развитии его мускулатуры. Но главное, что его отличало от других и заставляло с опаской выходить с ним на ринг, это, конечно, отточенное боксерское мастерство и опыт.

Те, кто в свое время учил Энтони искусству бокса, в том числе и Найтон, многое бы отдали, чтобы заполучить его на профессиональный ринг. Но для такого светского повесы, каким был лорд Мэлори, бокс значил не более чем любая другая забава, способная разнообразить его легкомысленную жизнь. Он три раза в неделю приходил в спортзал Найтона, Найтон-Холл, и это было для него столь же обязательным ритуалом, как каждое утро совершать верховую прогулку в парке. Просто так, для собственного удовольствия.

Большая часть присутствующих в зале сами были боксерами, ожидающими своей очереди выйти на ринг. Остальные, подобно достопочтенному Ферфаксу, просто убивали свободное время. Считая себя знатоками бокса, они при случае не упускали возможности заключить выгодное пари на результат поединка. Были здесь, конечно, и просто близкие приятели Мэлори. Они почти всегда приходили полюбоваться, как их друг сокрушает очередного спарринг-партнера, имевшего несчастье поддаться на уговоры Найтона. У них самих, естественно, хватало здравого смысла, чтобы не испытывать своего счастья, боксируя с Энтони.

Один из пришедших с Мэлори друзей, лорд Амхерст, не замедлил подключиться к шутовой пикировке. Это был бесшабашный молодой человек, в серых глазах которого постоянно горело озорное веселье. Он был заметно выше своего друга и производил впечатление долговязого. Контраст при их сравнении усиливал цвет волос: белокурый Амхерст казался специально подобранной противоположностью темноволосого Энтони. Сближал их возраст, а еще более – круг определенных интересов: женщины и азартная игра.

– Мэлори, единственный для тебя путь заполучить соперника на ринге, это наставить рога какому-нибудь молодому коринфскому пирату.

– Ты же видишь, что мне не везет, Джорджи, – поддержал шутку друга Энтони. – Боюсь, пират вместо бокса захочет воспользоваться пистолетами. А это совсем неинтересно.

Амхерст разразился своим суховатым смехом. Если кто-то и мог не знать, что Энтони нет равных на ринге, то уж о том, что он непревзойденный стрелок, в их кругу было известно всем. Когда Мэлори вызывали на дуэль, он первым делом интересовался, на какой части тела будущий противник предпочитает иметь шрам. Заданный безразличным тоном вопрос приводил вызывающего в трепет – до сих пор Энтони четко выполнял все без исключения подобные «заказы».

Впрочем, Джорджу было известно то, что лорд Мэлори во время своих многочисленных дуэлей никого не убил. На это была особая причина: стреляться Энтони приходилось из-за женщин, а ни одна из них, по его глубокому убеждению, не стоила того, чтобы кто-то рисковал из-за нее жизнью. Исключение из этого правила, по мнению лорда Мэлори, могли составить только его родственницы. Ко всему, что касалось семьи, отношение его было чертовски трогательным. Хотя сам Энтони оставался убежденным холостяком, три его старших брата успели обзавестись многочисленным потомством. И своих племянников и племянниц повеса Мэлори любил буквально до безумия.

– Ищешь, с кем посостязаться, Тонни? Надо было сразу послать своего парня за мной. Ты же знаешь, я всегда готов услужить тебе.

Джордж резко обернулся, не веря своим ушам. Голоса, прознесшего эти слова, он не слышал более десяти лет. Брови его удивленно поползли вверх. Нет, он не ошибся. В дверях стоял Джеймс Мэлори, постаревший, конечно, но выглядевший не менее грозно, чем в те времена, когда выделялся скандальной славой даже в среде молодых лондонских искателей приключений. Такой же огромный и по-мужски красивый. Боже, невероятно!

Джордж повернулся назад, торопясь узнать, какое впечатление произвело это неожиданное явление на Энтони. Братья были очень близки раньше. Разница в их возрасте составляла всего один год, и развлекались они одинаково, разве что Джеймс вел себя покруче. Но потом он куда-то исчез – куда, члены семьи предпочитали не распространяться. Оставшиеся в Лондоне братья старались вообще не упоминать в разговорах его имя. Даже Джордж, имевший все основания считать себя лучшим другом Энтони, за все эти годы так и не узнал причину разрыва Джеймса с семьей.

Но, к удивлению лорда Амхерста, друг его ничем не проявлял сейчас своего взрывного характера. Когда прозвучала реплика брата, никто не заметил ни малейшего изменения в его мужественном лице. Надо было знать Энтони так же хорошо, как Джордж, чтобы понять, что означает огонек, мелькнувший в его темно-синих глазах. Как ни странно, это был признак скорее удовольствия, но никак не злости. По тону ответной фразы тем не менее можно было подумать, что обращена она к злейшему врагу.

– Какого черта, Джеймс, ты все еще в Лондоне? Ты же должен был отплыть сегодня утром!

Джеймс пожал своими могучими плечами:

– Планы изменились. Из-за Джереми. Он стал таким упрямым! После воссоединения с родственниками с ним совершенно невозможно столкнуться. Бьюсь об заклад, он научился

манипулировать людьми от Реган. Короче, мальчишка сумел-таки выудить мое согласие на то, чтобы завершить здесь свое школьное образование. И будь я проклят, если знаю, как ему это удалось!

Столь искреннее недоумение брата по поводу того, что его сумел провести собственный семнадцатилетний отпрыск, выглядело забавно. Энтони, наверное бы, и рассмеялся вслух, тем более что речь шла о Джереми, больше похожем на него, чем на собственного отца. Но Джеймс употребил имя Реган, которым ни он сам, ни их братья, Джейсон и Эдвард, никогда Реджину Иден не называли. Для всей семьи она была только Реджи, и Джеймс это прекрасно знал. Впрочем, сколько Энтони себя помнил, Джеймс всегда старался отличаться от других членов семьи. Он предпочитал идти собственным путем, делал только то, что доставляло удовольствие ему самому, и никогда не задумывался над тем, как относятся к его поступкам другие.

Разговаривая с Энтони, Джеймс прошел вперед и небрежно скинул сюртук, оставшись в той самой знаменитой своей безрукавке, с которой не расставался, когда был капитаном «Святой Анны». Он явно показывал, что готов выступить в роли столь желанного для брата спарринг-партнера. Энтони обмену заранее известными обоим аргументами по поводу обращения к Реджине Иден решил предпочесть обмен дружескими ударами на ринге.

– Значит, и ты остаешься? – спросил он, пока Джеймс передавал сюртук Джорджу, а сияющий Джон Найтон завязывал на его руках перчатки.

– Только настолько, чтобы пристроить и приодеть юнгу. Сейчас по крайней мере я не уезжаю. Впрочем, Конни считает, что если и есть какой-то резон нам с ним осесть на островах, так это необходимость для Джереми иметь родной дом.

На этот раз Энтони не удержался от смеха:

– Два старых морских волка – в роли заботливых мамочек. Хотелось бы мне, черт побери, взглянуть на эту картинку.

– Не тебе говорить об этом, Тонни, – нисколько не смущаясь, парировал Джеймс. – Ты ведь сам исполнял роль его мамы каждое лето в течение последних шести лет, не так ли?

– Скорее папы, – поправил Энтони. – А лучше сказать – взрослого брата. Согласись, разница есть. Кстати, я до сих пор удивляюсь, почему ты не женился хотя бы для того, чтобы у Джереми появились мать и родной дом. Джейсон же поступил именно так. Впрочем, жениться на Конраде Шарпе, с которым ты собираешься воспитывать парня, совсем не обязательно.

Джеймс запрыгнул на ринг.

– Не забывай, что ты говоришь о моем лучшем друге. Не надо его обижать.

Энтони слегка поклонился:

– Замечание принято. Но кто же останется с нашим дорогим мальчиком до того, как вы с Конни решитесь вернуться сюда навсегда?

– Ты, – произнес Джеймс, одновременно нанося весьма чувствительный удар брату под дых.

Энтони согнулся, стараясь оправиться от нападения и не менее неожиданного ответа брата. Любители пари заволновались. Наконец появился некто, кто по крайней мере выглядел способным побить непобедимого лорда Мэлори. Энтони был на несколько дюймов выше, зато соперник казался более мощным. Судя по его фигуре, он был вполне способен уложить своим ударом любого из присутствующих в зале, не исключая самого Энтони. Посмотреть на такой бой было большой удачей. О том, что на ринге находятся братья, знали считанные единицы.

Восстановив дыхание, Энтони хмуро посмотрел на Джеймса.

– Я? С чего это мне выпала вдруг такая удача?

– Парень сам тебя выбрал. Он же молится на тебя, разве ты не знаешь? Ты для него самый близкий человек, после меня, конечно.

– Конечно, – повторил Энтони, отбрасывая Джеймса на несколько шагов резким апперкотом. – Я, безусловно, буду рад, если он останется со мной. Но ты же понимаешь, что я не смогу вечно ограничивать свою свободу, – добавил он, давая брату возможность потрогать подбородок и убедиться, что челюсть все-таки осталась на месте.

Они еще несколько секунд покружили по рингу, обменявшись несколькими ударами, прежде чем Джеймс ответил:

– Я не жду этого от тебя, парень, тем более что сам себя никогда особо не сдерживал. В твое распоряжение поступает мужчина, а не кисейная барышня. Да он, гром и молния, с четырнадцати лет знает, что такое веселые девочки!

Энтони вновь засмеялся, потеряв на мгновение бдительность, за что тут же поплатился, пропустив увесистую оплеуху сбоку в голову. Спасла отработанная годами тренировки реакция. Он незамедлительно нанес Джеймсу такой сильный удар снизу под ребра, что тот согнулся до самого пола. Зрители взревели. Брат был минимум на тридцать фунтов тяжелее Энтони, и вынужденный поклон такой горы мышц выглядел весьма впечатляюще.

Энтони отошел, давая возможность сопернику отдышаться. Тот, все еще оставаясь в полусогнутом положении, хмуро взглянул на него исподлобья и вдруг улыбнулся.

– Слушай, а ты уверен, что нам очень хочется оказаться сегодня на больничных койках?

Энтони усмехнулся:

– Честно говоря, я бы предпочел постель помягче и поприятнее. И, уверяю тебя, у нас есть все шансы это сделать.

– Так ты берешь парня до окончания его занятий? – спросил Джеймс.

– С большим удовольствием. Хотя, видит Бог, мне придется из-за этого снести массу шуток и розыгрышей. Ведь мальчишка настолько похож на меня, что все считают его моим сыном.

– Так из-за этого он и выбрал именно тебя, – усмехнулся Джеймс, демонстрируя не менее белоснежные, чем у брата, зубы. – У него чертовски сильно развито чувство юмора. Но вернемся к предстоящему вечеру. У меня на примете есть парочка веселых горничных.

– Горничных? Фи! Ты слишком долго был пиратом, капитан Коршун. Я представлю тебя двум леди...

Глава 3

– И все-таки, Рос, у меня это никак не укладывается в голове, – заговорила леди Франсес, подвигаясь ближе к подруге. – Зачем тебе соединять жизнь с мужчиной, если ничто тебя к этому не обязывает? Понятно было бы, если бы ты влюбилась. Это другое дело. Но ты говоришь о намерении выйти замуж за человека, которого даже ни разу не видела.

– Ты же знаешь, что я никогда не поступила бы так, Франсес. Но я дала слово, – ответила Рослин.

– Да, конечно, я в этом не сомневаюсь. Но кто узнает, если ты не сдержишь слова? Ведь дедушка умер и... – Франсес, увидев, как изменилось лицо подруги, оборвала себя. – Забудь, что я сейчас сказала.

– Хорошо.

– Спасибо, милая. Мне так стыдно! – вздохнула Франсес, делая ударение на последнем слове.

Леди Франсес Гренфел справедливо считалась женщиной весьма привлекательной. Разве что самой малости не хватало ей, чтобы прослыть красавицей. Но симпатичной, даже очень, со своими светлыми волосами и темно-кариими глазами она, безусловно, являлась. Когда-то леди Франсес была самой веселой и неугомонной среди подруг Рослин. Но после замужества, семь лет назад, все изменилось, и в первую очередь она сама. Ее брак с Генри Гренфелом оказался неудачным. Сейчас рядом с Рослин была сдержанная, даже чопорная матрона, лишь мимолетно напоминающая ту счастливую девочку из детства.

– Ты настолько свободна сейчас, насколько другие могут только мечтать, – решительно продолжила Франсес. – У тебя столько денег, что ты не знаешь, куда их девать. При этом тебе никто не указывает, как следует их тратить. Мне потребовалось прожить с мужем семь лет, пять из которых я его совершенно не любила, чтобы оказаться в похожем положении. Но и сейчас, оставшись вдовой, я должна перед кем-то отчитываться. У меня есть сын. Есть мать, которая пилит меня всякий раз, когда слышит, что я поступила, с ее точки зрения, неправильно. А тебе, Рослин, совершенно не о ком беспокоиться. И при этом ты собираешься соединиться с мужчиной, который может полностью лишить тебя свободы, как это сделал со мной лорд Генри. Неужели ты этого хочешь? Уверена, что нет.

– Не имеет значения, что я хочу, Франсес. Важно то, что я должна сделать.

– Но почему? – повысила голос теряющая самообладание женщина. – Почему, хотелось бы мне знать?! Только не говори опять, что ты дала слово дедушке именно так поступить. Лучше расскажи, почему он заставил тебя дать такое обещание. Если уж ему так хотелось, то он имел достаточно времени, чтобы выдать тебя замуж.

– Ты права, – спокойно ответила Рослин. – Но не было никого, кого бы мне хотелось видеть своим мужем. А принуждать меня Грэмп не хотел.

– Никого? За все эти годы?

– Ах, как мне не нравится, Франсес, тон, которым ты это произнесла, честное слово, не нравится. Не напоминай мне, пожалуйста, о том, что теперь мне уже тяжело будет найти мужа.

Карие глаза подруги от удивления широко раскрылись.

– Тяжело? – почти смеялась Франсес. – Вот это здорово! Да более легкой задачи, чем выдать тебя замуж, на свете просто не существует. Найдется столько претендентов на твою руку, что ты не будешь знать, что с ними делать. И возраст твой, моя милая, не имеет никакого значения. Боже мой, неужели ты не понимаешь, как невероятно красива? И ко всему прочему богата...

– Но мне уже двадцать пять! – произнесла Рослин с таким отчаянием в голосе, будто речь шла не менее чем о ста.

Франсес усмехнулась:

– Столько же, сколько и мне. А мне-то казалось, что я не очень старая. Спасибо!

– Между мной и тобой есть разница. Ты – вдова. Никто ничего не скажет, если ты второй раз выйдешь замуж.

– Это уж точно, потому что я никогда больше такой глупости не сделаю.

Рослин нахмурилась.

– Но все присутствующие в церкви... – пролепетала она дрожащим голосом. – Они же со смеху покатаются, увидев меня среди юных невест.

– Да побойся Бога, Рос... – начала Франсес с улыбкой.

– Нет, это правда, – не дала ей договорить Рослин. – Да я, черт побери, сама бы посмеялась над двадцатипятилетней старой девой, которой не стыдно демонстрировать всем свою глупость.

– Сейчас же прекрати. Говорю тебе... Клянусь, твой возраст помехой не будет.

Рослин не смогла поверить этому заверению подруги, хотя ей и очень хотелось, чтобы та была права. Слезы подступили уже к самому горлу, но она сумела сдержать себя. Разговор коснулся сейчас той самой проблемы, которая больше всего и пугала ее, когда она отправилась на поиски мужа: она могла стать посмешищем, а такой позор был для нее невыносим.

– Все они подумают, что со мной произошло что-то очень нехорошее, коль я до сих пор не была замужем, Фран. Ты ведь знаешь, так и будет. Это же вполне естественно для любого человека.

– Они все прекрасно поймут, когда узнают, что последние шесть лет ты выполняла роль сиделки при больном дедушке, и только похвалят тебя за это. Ну а теперь больше ни слова о твоём возрасте. Поверь, об этом тебе беспокоиться стоит меньше всего. Ты, однако, ухитрилась уйти от ответа на мой вопрос. Не для того ли ты выдумала все эти страхи?

Притворно строгий взгляд, которым одарила ее при этом подруга, немного развеселил Рослин, и она наконец рассмеялась своим неповторимым теплым, с приятной хрипотцой смехом.

...В этот дом на Саут-Одли-стрит они с Нетти приехали вчера так поздно, что разговор с подругой пришлось отложить на утро. А поговорить хотелось. Ведь подружились они так давно, двенадцать лет назад. Причем сумели сохранить эту дружбу, несмотря на то что за последние десять лет виделись лишь однажды, четыре года назад, когда Франсес привезла своего сына Тимми на каникулы в горы.

Конечно, у Рослин в Шотландии были и другие подруги, но ни одна из них не была ей так близка, как Франсес. Только с ней могла Рослин поделиться своими самыми сокровенными тайнами. Подружились они тогда, когда Грэм привез внуку учиться в Англию, чтобы из нее, по его словам, «сделали леди». А то, как ворчал старый шотландец, девочка превратилась «в маленького сорванца, не имеющего представления о благородном поведении». Опасения, надо прямо сказать, были не беспочвенны, хотя, как понимала Рослин сейчас, дед несколько сгущал краски.

Сделаться леди в английской школе Рослин не успела. Через два года ее исключили «за недопустимое поведение» и отправили назад в Камерон-Холл. Грэм вопреки ее страхам совсем не ругался. Старик страшно скучал по своей внучке и был рад, что она наконец вернулась, пусть и таким образом. А для продолжения ее образования он выписал из Англии одну из лучших преподавательниц школы – мисс Бичхэм, которая в Шотландии сделалась необычайно кроткой и терпеливой. Впрочем, последнее превращение было не таким уж и чудом, если иметь в виду, какое жалованье назначил ей владелец Камерон-Холла.

Те два года в Англии Рослин и Франсес были неразлучны. И хотя после этого они практически не встречались, ощущение неразрывной связи сохранилось. Они так и остались самыми близкими подругами, только разговаривали теперь с помощью писем. Именно от Франсес узнала Рослин, что такое влюбленность. Она же затем поведала, каково жить с нелюбимым мужем. Рослин, в окружении которой совсем не было маленьких детей, тем не менее знала, наверное, все о том, как растут младенцы с самого первого дня их жизни, особенно мальчишки. Франсес описывала ей буквально каждое движение своего сына Тимми.

В свою очередь, Рослин подробно рассказывала в ответных посланиях о своей жизни в шотландских горах, в которой, впрочем, было куда меньше разнообразия. Однако, не желая расстраивать подругу, она не сообщила ей об опасениях, которые в последнее время высказывал Грэм относительно Джорди. И теперь она не знала, как объяснить Франсес причину своего появления здесь. А ведь так важно, чтобы подруга узнала, что речь идет не о каких-то причудах умершего старика, а о действительно реальной опасности, которая угрожает Рослин сейчас. В конце концов она решила начать с самого начала.

– Помнишь, Франсес, я рассказывала тебе о том, что моя мама утонула в озере Лох-Итайв, когда мне было семь лет?

– Да. Это произошло год спустя после гибели твоего отца, правильно?

Рослин кивнула, стараясь не вспоминать о том страшном чувстве одиночества, которое она испытала после смерти родителей.

– Так вот, Грэм всегда считал, что это его внучатый племянник Джорди повинен в смерти моей матери. Джорди был злым и жестоким мальчишкой. Он постоянно развлекался тем, что мучил животных или устраивал какие-то ловушки и западни. Когда кто-то попадал в них, он страшно веселился. В то время ему было только одиннадцать лет, но натворить он уже успел предостаточно. Один из наших конюхов сломал ногу, угодив в замаскированную мальчишкой яму. Лошадь однажды сильно ушиблась из-за такой же шутки. Повар несколько раз серьезно обжигался из-за его проделок. О том, что он творил в собственном доме, можно только догадываться. Его отец, кузен моей мамы, который всегда брал Джорди с собой, когда приезжал в Камерон-Холл, предпочитал об этом не рассказывать. К тому страшному дню они гостили у нас уже целую неделю.

– Но каким образом он сумел все так устроить, что твоя мама утонула?

– Доказательств его причастности вообще нет, Франсес. Считается, что лодка, в которой она находилась, перевернулась, а в намокшей зимней одежде мама не смогла доплыть до берега.

– А что она делала на озере зимой?

– Мама выросла на озере. Вода для нее была родной стихией. Лох-Итайв она очень любила. Еще в детстве мама облазила все его берега. Летом она обязательно ходила на озеро каждый день купаться. Да и в холодную погоду она предпочитала лодку прогулкам в карете и верхом. У нее была своя особая маленькая лодочка, с которой легко могла управиться женщина. Я тоже на ней плавала. Конечно, вместе с мамой, одну на воде она меня никогда не оставляла. Но это к делу не относится. Главное, что в тот день маму не спасли ни ее умение управлять лодкой, ни искусство пловчихи.

– И помочь было некому?

– Никто не видел, как все случилось. Она собиралась пересечь Лох-Итайв. Лодка, видимо, перевернулась ближе к середине озера. Но через несколько дней один из арендаторов рассказал Грэму, что незадолго до трагедии видел Джорди в том месте, где мама обычно оставляла свою лодочку. Наверное, Грэм не обратил бы на это внимания, не будь его внучатый племянник любителем дьявольских шуток. К тому же все были удивлены тем, что Джорди смерть мамы расстроила чуть ли не так же сильно, как меня. И опять в принципе

ничего удивительного. Но в Камерон-Холле все знали, что мальчишка нас с мамой терпеть не может.

– И твой дедушка решил, что это Джорди каким-то образом повредил лодку?

Рослин кивнула:

– Мальчишка, например, мог проделать небольшое незаметное отверстие, чтобы лодка, отплыв от берега, дала течь. Это было как раз в его духе – посмеяться над тем, как уверенный в своем судне человек вдруг окажется в воде. Для него это была очередная проказа, естественно, как всегда жестокая. Он намеревался развлечься дурацким видом неожиданно попавшего в воду человека. Убивать он не хотел, я уверена. Ему не было известно, что мама собирается плыть на другую сторону озера. Обычно она совершала свои водные прогулки вдоль берега.

– И тем не менее...

– Да, тем не менее, – вздохнула Рослин. – А как должен был поступить Грэм, если доказать чего-либо он не мог? Лодку так и не нашли, а следовательно, неизвестно, была ли она повреждена. Дедушка не доверял Джорди после того, что произошло. Он не запретил ему бывать в Камероне, но когда тот приезжал, он обязательно посылал следить за ним одного из слуг. Он ненавидел своего внучатого племянника. Но отца Джорди дедушка не хотел расстраивать своими подозрениями. Сделай он это, пришлось бы отказывать от дома и внуку. Однако Грэм поклялся, что Джорди от него ничего не достанется, и сдержал свое слово. Джорди получил после смерти своего отца наследство. Но оно было ничтожно по сравнению с тем, что досталось в свое время Грэму как старшему мужчине в семье. Джорди негодовал, считая это несправедливым. Дедушка, зная это, был уверен, что лишь для того, чтобы присоединить к своим его капиталы, внучатый племянник просил моей руки.

– Это понятно. Но здесь главное, чтобы ты сама себя не ввела в заблуждение. Будь уверена, не только деньгами ты можешь заинтересовать.

Рослин махнула рукой, как бы отбрасывая предположение подруги.

– Джорди всегда недолюбливал меня. Когда мы выросли, это чувство только усилилось и стало взаимным. Он не мог смириться с тем, что ближайшей родственницей Грэму прихожусь я, а не он. До смерти своего отца он вообще ни с чем хорошим ко мне не подходил. Лишь убедившись, что он беден, Джорди вдруг превратился в отношениях со мной в мистера Очарование.

– Но ты, конечно, не дала ему развернуться в этой роли, – констатировала Франсес.

– Конечно, я отказала ему. Я не такая полоумная дура, чтобы не разглядеть фальши в расточаемой с такой жестокой расчетливостью лести. Но Джорди не отстал. Он продолжал притворяться пылким влюбленным, тогда как я отчетливо видела в его ледяных голубых глазах только холодную ненависть.

– Отлично. С этим теперь все ясно. И все-таки мне кажется, что из рассказанного тобой не может следовать вывод о необходимости срочно броситься под венец.

– Как ты не понимаешь! С кончиной Грэма я лишилась всякой защиты и опоры. Возможно, я бы в них и не нуждалась. Но существует Джорди, который уже много раз настаивал на том, чтобы я вышла за него. Он уже не скрывает, что хочет заполучить Камерон-Холл и сделает все, чтобы завладеть им.

– А что он может сделать?

– Я думаю ничего, – раздраженно фыркнула Рослин. – Но не сомневаюсь, что Грэм был мудрее меня.

Участившееся дыхание Франсес говорило о том, что она начинает нервничать.

– Деньги перейдут к Джорди, если с тобой что-нибудь случится, так, что ли?

– Нет, Грэм об этом позаботился. Дело в том, что Джорди способен силой заставить меня выйти за него, окажись я у него в руках. Он найдет способ. Опойт меня какой-нибудь